

СОВЕТСКАЯ ЛИРИКА СТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ: МОТИВЫ, ЖАНРЫ, НАПРАВЛЕНИЯ

Биргит Менцель

В центре нашего анализа советской лирики 1930—1950-х годов будет находиться проблема взаимодействия основных тем, мотивов, направлений лирической поэзии с динамикой партийной политики сталинской эпохи. Советская лирика двух с половиной десятилетий сталинского правления отмечена фундаментальным противоречием: при огромной популярности отдельных ее форм и высокой продуктивности авторов лирика как жанр индивидуального выражения несет в себе тенденцию к самоупразднению. Если до и непосредственно после революции лирика — наряду с драмой — принадлежала к ведущим литературным жанрам, то во второй половине 1920-х — середине 1930-х годов жанровое первенство явно перешло к прозе. Объясняя этот факт, нельзя ограничиться лишь упоминанием о смерти таких крупных поэтов как Гумилев (1921), Блок (1921), Хлебников (1922), Брюсов (1924), Есенин (1925), Маяковский (1930), Белый (1934). Политизированная интеграция литературы в процессе построения нового общества и выдвинутое соцреализмом требование «отражения действительности во всей ее полноте» логически выдвинули на первый план прозу, и прежде всего — роман (-эпопею). Развитие драмы — жанра, корнями уходящего в анализ межличностных конфликтов, было ограничено навязанным дидактизмом. Реальный конфликтный потенциал оказался вытесненным за пределы того, что заслуживает литературного отображения. Лирика, эмоционально мобилизуя массы, выполняла важную идеологическую функцию. Но доминирование заданного «идейного направления» и навязанная лирике эпическая сюжетность вели к жанровым деформациям, по существу, к «ликвидации лирики».

В отличие от прозы, лирика по природе своей не связана обязательными отношениями с логикой и реальностью, не зависит от хронологических нарративных норм и потому «ускользает» из-под власти «исторического процесса»¹. Поэтому при переносе на лирику соцреалистических норм, разработанных для прозы, возникали постоянные препятствия, что провоцировало непрекращающиеся дискуссии по интерпретации плохо приживающихся норм (в 1934—1936, 1946—1948 и 1953—1954 годах).

По сравнению с поэтическим многоголосьем и разнообразием направлений десятых и начала двадцатых, тридцатые и сороковые годы несут печать обеднения лирики. Однако, вывод Е. Эткинда о том, что в русской лирике этого периода существует «лишь одно содержание и один стиль»² представляется несколько упрощенным. Даже среди опубликованных, т. е. официально признанных в Советском Союзе лирических произведений, были произведения и авторы разных направлений³. Бедностью лирика этих десятилетий отличалась лишь с эстетической точки зрения, причем военные годы составляют тут исключение. Песенная лирика в контексте соответствующей музыкальной культуры и кино нашла широкое распространение и пользовалась огромной популярностью.

Мы говорим о периоде, который охватывает два с половиной десятилетия. Как начало, так и середина каждого из них отмечены своего рода цезурами, вызванными политическими причинами, которые влияли в первую очередь на *усло-*

вия создания и восприятия лирических текстов. Но и в поэтической практике политические события не остались без последствий. Здесь можно предложить следующую периодизацию:

1930—1935: «Вытеснение лирики»

1936—1941: «Лирический взрыв без лирического “я”»

1941—1945: «Расцвет лирики в борьбе за жизнь»

1946—1954: «Оглушение и борьба за самовыражение»

Три события в области литературной политики обусловили перелом в середине тридцатых годов. 5 декабря 1935 года была предана гласности сталинская оценка творчества Маяковского: «Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи. Безразличие к его произведениям — преступление». С этого момента развиваются две тенденции: с одной стороны, канонизируется вся (в том числе и авангардная) лирика Маяковского; с другой стороны, в норму возводится принцип народности, пропаганда которого началась еще в 1934 году, тогда же началась кампания против формализма и натурализма в искусстве.

Второй переломный момент обозначил конец войны и постановление ЦК о журналах «Звезда» и «Ленинград» в августе 1946, направленное против лирики Анны Ахматовой, а вместе с тем и против «любовной лирики» как таковой; это был еще один удар по поэзии авангарда.

Смерть Сталина и начало оттепели стали следующей цезурой в середине пятидесятых, хотя изменение культурного климата обозначилось уже раньше: в момент выхода статей Сталина о языкознании (1950) и начала официальной кампании против бесконфликтности в литературе⁴.